

ЯКОВ
МИРКИН

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ СТРЕССОВ

Модели
КОЛЛЕКТИВНОГО
и ЛИЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ
в РОССИИ
за 300 лет

Замри — Беги — Сражайся

Яков Моисеевич Миркин
Краткая история российских
стрессов. Модели
коллективного и личного
поведения в России за 300 лет
Серия «Экономические миры»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68508679

*Краткая история российских стрессов. Модели коллективного и
личного поведения в России за 300 лет / Я. М. Миркин: АСТ; Москва;*

2023

ISBN 978-5-17-150054-2

Аннотация

В своей новой книге знаменитый экономист и колумнист Яков Миркин рассматривает модели российского коллективного и семейного поведения во время войн, революций, реформ, репрессий, кризисов. В чем состоят особенности нашей психологии: как мы отвечаем па риски и вызовы в течение 300 лет? Какую реакцию на стресс из классической триады «Замри – беги – сражайся» мы выбираем? Какие личные и семейные

стратегии можно применить в России для экономического роста и процветания в будущем?

Перед читателями развернется целая галерея исторических личностей – императоров, полководцев, политиков, ученых, деятелей культуры. Поведение каждого из них является примером определенной реакции на стресс. Эта книга – интереснейшая попытка объяснить историю и современность России с точки зрения психологии народных масс и лидеров.

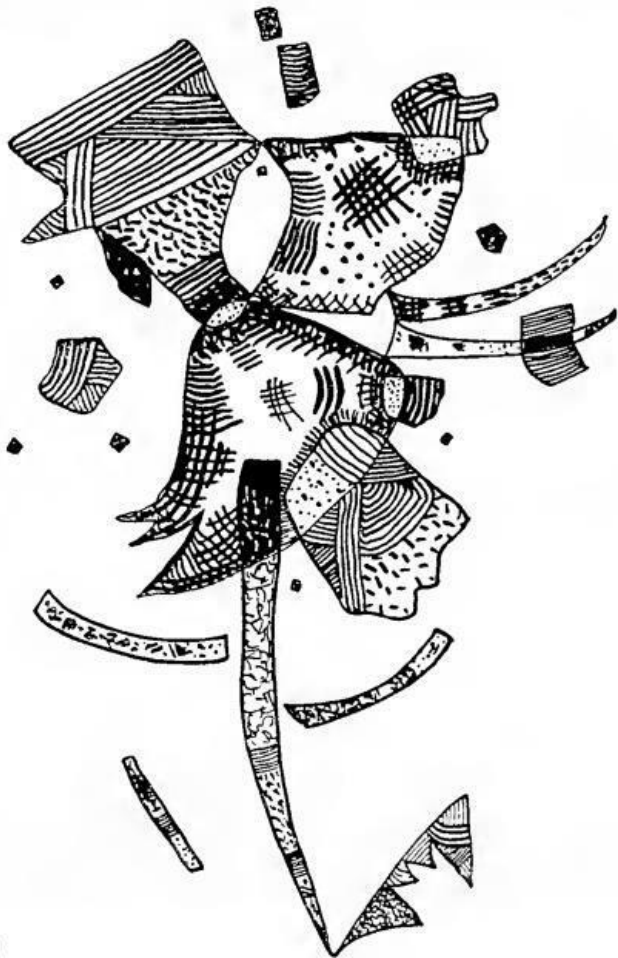
В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	9
Замри – беги – сражайся	9
История и «мы». Повторение пройденного	11
Иллюстрации	13
Благодарности	14
Часть I	16
Общества как люди	16
Есть ли «коллективные люди»? Как доказать	18
«Матрешка» нашей личной судьбы	20
«Коллективные люди». Сравним их[3]	21
Карта обществ. Через призму экономик	26
Модели коллективного поведения меняются	38
Что еще почитать	40
Часть II	42
Как мы живем?	42
Чересполосица	42
Россия крайностей и стрессов	44
Каждое поколение теряет	48
Времянки	50
Российский «коллективный человек»	51
начала 2020-х	
Карта обществ. Наша модель	53
Они. В чьей мы власти	58

Россия как Бразилия	60
Найти, добыть, терять. Аляска[15]	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Миркин, Яков Моисеевич
Краткая история
российских стрессов.
Модели коллективного
и личного поведения
в России за 300 лет

В. Кандинский

© Миркин Я. М., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

Замри – беги – сражайся

«Замри – беги – сражайся» – азбука, знаменитая триада психологии. Так мы живем, так отвечаем на любой стресс, на любое силовое давление.

Замереть? Это значит – стать неотличимым. Молчать, ни звука; цвет, как у всех, всем низкий поклон; меня – нет, я – как вы, я – свой, а не чужой, и съесть меня нельзя.

Бежать? Это значит – исчезнуть заранее, понимая будущее. А если нет возможности? Тогда сразу же сорваться с места, когда опасность – вот она. А если снова медлишь и считаешься со всеми обстоятельствами? Тогда расплачивайся, полный вперед, когда уйти уже почти нельзя.

Сражайся? А как? Битвы – только словесные? Всех убеждаем, что жить так нельзя? Или ищем у себя клыки?

Как еще отвечают на риски, на опасность? Прорицают. Всегда есть впередсмотрящие. Эти будут кричать, молить, предупреждать, что впереди опасность. Возможно, они – самые незащитные из существ.

Можно быть слепым, взять и погибнуть – и это тоже ответ. Не видишь опасности, увлечен, ее вроде нет, и все идет как идет, но только до той поры, пока не перестанешь быть.

Так ведут себя люди, семьи и целые народы. Мы должны ясно отдавать себе отчет в том, кто мы. Мы кто – беги? Или замри? Сражайся? Мы способны предугадывать? Мы идем, спокойно покачиваясь, на верную гибель, ничего не понимая? Как мы отвечаем на опасность, каким еще из сотни способов?

Мы – это каждый из нас.

И мы – это народ, российский народ, «коллективный человек», столетия существующий во внутренних опасностях и в стрессах.

Мы существуем в мире, пронизанном рисками. Мы сотни лет подвергаемся сильнейшему давлению в вертикалях общества.

Мы многое теряем в каждом поколении людей.

Нам бы понять, что будет дальше.

Какие вызовы – впереди? Не ложные, не внушенные – а настоящие.

Что с нами будет? Мы погибнем? Мы будем бежать, как народ, в другие края, размазываясь по свету? Мы будем сражаться? Но как? И что это значит – сражаться?

Что с нами будет – лично с каждым и всеми вместе, – если не изменимся?

А как меняться? И что, собственно, менять?

История и «мы».

Повторение пройденного

Чтобы понять будущее, есть история.

Каждый из нас – внутри истории. Каждый из нас – внутри народа, внутри «коллективного человека». И это – очень сложная история и очень непростой «коллективный человек». Его судьба кажется экстремальной в каждом поколении российских людей.

Чтобы строить свою судьбу, нам нужно понимать этого человека, не превознося и не унижая его, просто понимая, как устроен его характер. А как его понять? Ответ – только на основе фактов. Можно рассуждать сколько угодно, можно выстраивать тысячи домыслов, но есть факты, и, хотя их тоже можно понимать по-разному, они – есть. Жизнь прошедших поколений, жизнь людей, которые предшествовали нам, обязательно подскажет нам, какие мы сами, какие фундаментально, и что ждать впереди – от нас самих.

Да, конечно, каждый считает, что может распорядиться своей судьбой сам, но все-таки нам никуда не деться от нас «вместе». Есть «тренд», есть мы сами, «коллективный человек». Ему можно противостоять, можно даже пытаться покинуть общество, но трудно сопротивляться всему народу, пока ты в нем, он тащит и тащит нас из одного поколения в другое, создавая наши личные судьбы и то закатывая нас под

асфальт, то вознося на высоты, которые трудно себе представить.

Что ж, попробуем понять. Это будет, наверное, стотысячная попытка ответить на вопрос, кто есть мы, но попытка особенная. Она основана на личных историях. Вы сможете найти людей, судьбы которых могут быть похожи на ваши, и то, что они делали, может быть очень схоже с тем, как вы лично отвечаете на вызовы, которые подбрасывает жизнь.

Все, что было, будет снова. Пусть по-другому, не с ними, а с нами или с кем-то еще, но обязательно будет. И если мы понимаем это, то в каждой своей поворотной точке можем пытаться ответить на одни и те же вопросы, они стары, как мир: что будет с обществом, народом, «коллективным человеком», которому мы принадлежим, и что будет лично с нами.

Иллюстрации

Вся книга пронизана десятками иллюстраций Василия Кандинского и Пауля Клее.

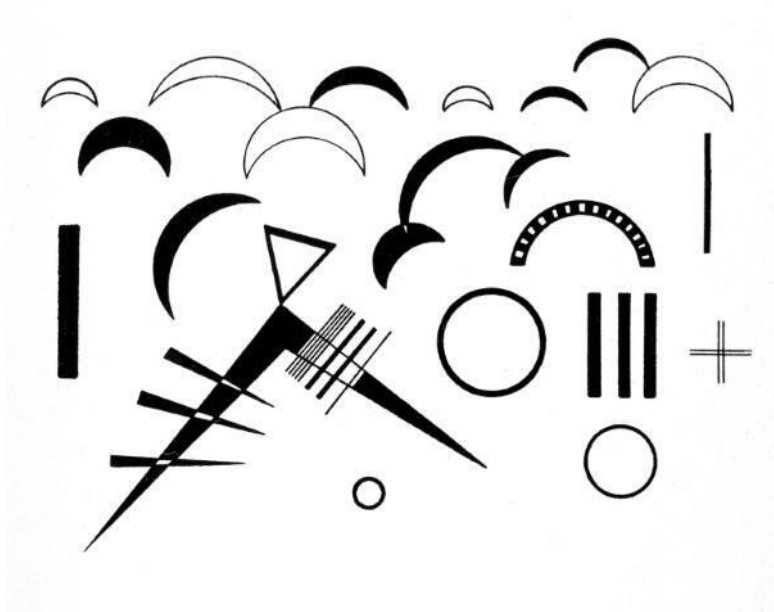
Они полностью отражают наши судьбы – по горечи, по яркости, по экспрессии. Да и их личные судьбы – знаменитых художников – полны рисков, огня (он был неумолим в 1910-х – 1940-х) и поворотных решений.

Пусть Кандинский и Клее помогут нам понять – нас самих.

Источники иллюстраций можно посмотреть в конце книги (стр. 317–318).

Благодарности

Многие тексты книги появились благодаря моей многолетней работе как колумниста в «Российской газете» и историческом журнале «Родина». Они дали мне большую сцену, чтобы говорить громко. С ними я выкарабкивался из «скорлупы» академического ученого и университетского профессора, чтобы стать еще писателем и публицистом – для всех. В «РГ» и «Родине» – замечательные профи, низкий им поклон – от всего сердца.

В. Кандинский

Часть I

Коллективное поведение.

Что это такое?

Общества как люди

У каждого общества/народа – свой характер. Это давно известно и подтверждено тысячью томов. Каждый из нас – какими бы мы ни были разными – находится внутри «коллективного человека», его традиций, пристрастий, взглядов на жизнь. Характер «коллективного человека» складывается многие сотни лет. Все, что происходит со страной, – плоть от плоти «коллективного человека». Все, кого мы выбираем, кто вершит наши судьбы, наши институты – плоть от плоти.

Нет народов на темной или светлой стороне. Мы разные, как разными бывают люди. И мы постепенно смешиваемся. Каждый народ заслуживает любви. У каждого народа было в истории все что угодно. Никто не имеет превосходства над другим. Что бы ни случилось в прошлом – коллективной ответственности нет. Народы способны понять свое прошлое – и меняться. Если меняться в «современности» – нужно знать, как это сделать. Есть люди, которые вопросу «как сделать» посвящают жизнь.

Будем говорить именно об этом – как должна быть устроена жизнь. Именно идеи ведут нас, и запас идей должен быть.

Есть ли «коллективные люди»? Как доказать

Этому вопросу посвящена масса описаний цивилизаций, менталитетов, тома в этнографии. А есть ли типология, статистика, делающие общества / «коллективных людей» сравнимыми количественно?

Да, есть. Типологию обществ можно посмотреть во «Всемирном обзоре ценностей» (международный проект социологов, семь волн обследований, 1981–2021, 120 стран, 95 % населения мира, одни и те же вопросы, по одним и тем же методикам). В нем дана карта обществ со схожими моделями поведения, созданная большой массой замеров. Последняя, седьмая, волна проекта прошла по 57 странам, в т. ч. России.¹

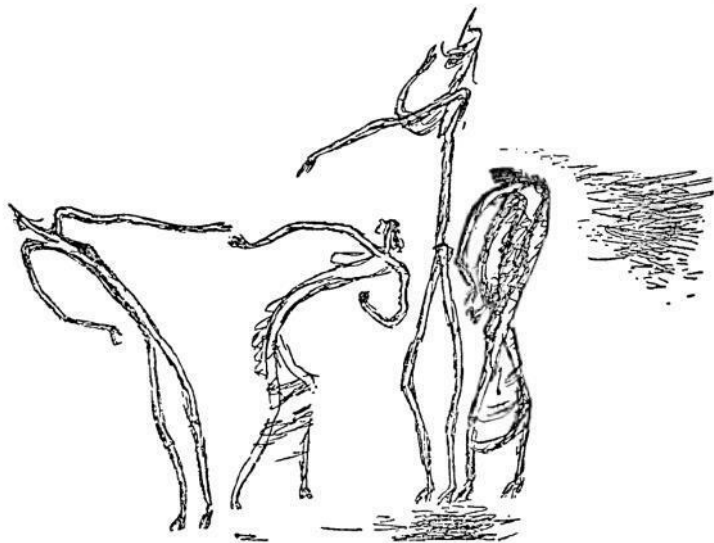
Карта обществ показывает важнейший для всех закон. Чем состоятельнее общество, чем дальше оно от страха, голода и холода, тем больше в нем индивидуализма, чувства самооценности, свободы и самовыражения, тем мягче иерархии, слабее групповые конфликты (при том, что общие интересы могут быть полностью учтены).²

---

¹ World Values Survey Wave 7 (2017–2020) Study # WVS-2017 v2.0 (Russia, USA, Germany). См.: worldvaluessurvey.org.

² Inglehart R. Cultural Evolution. People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World. Cambridge University Press, 2018. PP. 8—35.

Табу. Общества нельзя сравнивать по критериям «лучше – хуже», «они такие – мы сякие», «мы – люди, они – нелюди». «Лучше – хуже» несет зло. Каждое общество, любой народ драгоценны.

П. Клее

«Матрешка» нашей личной судьбы

Первая матрешка – модель коллективного поведения.

В ней вторая «матрешка» – модель экономики, собственность.

А в ней третья – характер случайно вынырнувшего откуда-то «вождя».

И, наконец, венец творения, четвертая матрешка – мы сами, лично, со всеми нашими собственными тараканами, талантами и желаниями.

Все это нужно, чтобы пытаться прогнозировать будущее, свое и семьи. И, конечно же, не делать (или делать) ошибки.

«Коллективные люди». Сравним их³

Насколько мы разные? Пройдемся по семейным ценностям. Учить ли детей дома умению много и интенсивно работать? «Это особенно важно», – ответили 76 % россиян, 40 % немцев, 68 % американцев. А чему еще учить? «Чувству ответственности». За важность этого 76 % тех, кто живет в России, 80 % немцев, 59 % американцев. В каких еще свойствах характера нужно наставлять детей? Ответ – толерантность, чувство уважения к другим людям. Проголосовали «за» 56 % россиян, 84 % немцев, 71 % американцев. «Не быть эгоистичным». Учить своего ребенка именно этому: «за» – 16 % россиян, 6 % немцев, 28 % американцев.

А еще? Беспрекословное подчинение ребенка своим родителям, по малейшему мановению их руки. «Послушание!» Это считают важным 19 % тех, кто живет в России, 12 % немцев и 21 % американцев. И, наконец, еще одно качество наших детей – «независимость». Хотим ли мы, чтобы наши дети были независимыми личностями? Будем ли учить этому? «Да!» – ответ 34 % россиян, 70 % немцев, 56 % американцев.

Не так уж мы и отличаемся друг от друга. Молодые матери найдут общий язык с полуслова, при всех оттенках в традициях. Никто не хочет войны. Все беспокоятся, чтобы

---

³ Впервые: «РГ», 22.11.2021.

их страна не была втянута в войну, – 80 % россиян, 49 % немцев, 74 % американцев. Все мы страшимся террористических атак – 79 % россиян, 58 % немцев, 68 % американцев. Мы, как и «они» на Западе, предпочитаем свободу равенству. Так отвечают больше 50 % россиян, 64 % немцев и 70 % американцев. А если спросить: «Свобода или безопасность, что важнее?». Ответ «свобода» дали 24 % тех, кто живет в России, 43 % немцев и 70 % американцев. «А вы готовы сражаться за свою страну?» – настойчиво спрашивают социологи. «Конечно», – отвечают 68 % россиян, 48 % немцев и 60 % американцев.

Лучше бы, конечно, никто не сражался друг против друга, пусть даже разнятся наши представления о том, как должно быть устроено общество.

А как обстоят дела с «моральным разложением» на Западе? С нравственными ценностями – у «них» и у нас? У социологов на этот счет – десятки вопросов. Ничем не оправдана неуплата налогов – для 34 % россиян, 76 % немцев, 64 % американцев. Ничто не может оправдать взятки при исполнении своих обязанностей для 57 % россиян, 82 % тех, кто живет в Германии, 71 % американцев. Гомосексуальность? Категорическое «нет» – у 58 % россиян, 10 % немцев, 19 % американцев. В этом вопросе совсем не совпадаем. О времена, о нравы! Проституция ничем не может быть оправдана для 49 % россиян, 23 % немцев, 37 % американцев. Аборты категорически не приемлют 26 % росси-

ян, 19 % немцев, 22 % американцев. В этом вопросе чуть больше единства. Развод? Ничем не оправдан для 12 % россиян, 6 % немцев и 5 % американцев. Добрачный секс? Абсолютное «нельзя» – для 14 % россиян, 6 % немцев, 11 % американцев. Сто пятьдесят лет тому назад ответы были бы другими. Длинные тренды, меняющие ценности, одни и те же, нравится нам это или нет. Все больше табу снимаются.

«Верите ли вы в Бога?» Ответ «да» дали 77 % россиян, 56 % немцев и 81 % американцев. «А в жизнь после смерти?» «Да» – 40 % наших соотечественников, 39 % немцев и 68 % американцев. «Верите ли вы в ад?» – «Да, конечно», – подтвердили 37 % россиян, 15 % немцев и 67 % американцев. Не менее чем раз в неделю ходят в церковь 6 % россиян, 8 % немцев и 29 % американцев. И, наоборот, совсем ее не посещают 33 % россиян, 41 % немцев и 33 % американцев. Кто из нас более нравственен? Чье общество более гуманно? Неизвестно, но явно эти сравнения не на разрыв, а, скорее, на развитие. Через 20–30 лет, возможно, мы будем еще более похожи. Мир глобален.

«Кто вы, левый или правый?» «Я – посередине» – в этом смысл ответов 43 % россиян, 51 % немцев, 44 % американцев. «Партия середины» – нас больше всего.

Но социологи не унимаются, вопросы бесконечны. «Большинству людей можно доверять». Так утверждают только 23 % россиян, 45 % немцев и 37 % американцев. Значит ли это, что мы по природе недоверчивы? Нет, конечно, просто

нас слишком часто бросало из огня да в полымя последние 100 лет. И все же сколько счастливых людей! «Я очень счастлив», – так отвечают 15 % россиян, 28 % немцев и 28 % американцев. «Я довольно счастлив», – так думают 66 % россиян, 61 % немцев и 60 % американцев.

Есть сходства, есть различия, но не так, чтобы истово кричать: «Мы – совсем другие!». Просто люди из трех стран-конкурентов. Просто семьи. И хорошо бы не мешать им и дальше быть счастливыми. Все хороши, никто не хуже и не лучше других.

В чем большая разница

И все-таки мы – разные. Различия хорошо видны даже из ответов выше. Но в первую очередь различия относятся к тому, как должны быть устроены общество, экономика и государство.

Вот утверждение – «правительство должно принять на себя больше ответственности, чтобы гарантировать обеспеченность каждого». Его разделили, приняли, как свое, по «высшему баллу» (никакого сомнения, только так, а не иначе) 22,4 % россиян, 11 % немцев и 13,6 % американцев.

А вот обратное утверждение – «люди должны принять на себя больше ответственности, чтобы сами гарантировать свое обеспечение». По «высшему баллу» (только так и не иначе) – 6 % россиян, 5,7 % немцев, 17,8 % американцев.

Хорошо видна разница между российской, континенталь-

ной (пример – немцы) и англосаксонской моделями поведения.

«Собственности правительства в бизнесе должно быть больше». «За» по высшему разряду – 14,9 % россиян, 3,7 % немцев и 2,9 % американцев. А вот обратное утверждение – «частной собственности в бизнесе должно быть больше». Абсолютно «за» – 4,8 % россиян, 4,3 % немцев и 26,1 % американцев.

Немцы – между россиянами и американцами.

Еще один вопрос: «Сильный лидер, который особенно не “заморачивается” с выборами и парламентом, – это хороший или плохой способ управления страной?»

Ответ «это очень плохой способ» дали 12,7 % россиян, 49,7 % немцев (историческая память), 34,8 % американцев.

Разные идеологии народов, разные модели коллективного поведения создают и разные модели обществ, государств и экономик, с разной судьбой.

Карта обществ. Через призму экономик

Когда-то Станислав Лем в своей «Сумме технологий» сказал, что есть примерно 3000 моделей обществ. Они всегда в движении, закосневшие – умирают, искусственные, общества-утопии – нежизнеспособны.

А что сегодня? И какие мы? У любой экономики ключевое измерение – собственность. Она же создает и другие структуры общества (политические, социальные). Если в собственности совсем мало государства и много семей – это **англосаксонская модель**. Пожалуйте в США, Великобританию, Канаду, Австралию. Массы акционеров воюют за капитализацию компаний. Огромные финансовые рынки и много новенького. Это общества эмигрантов, они любят риски, мобильность, инновации. Они – резче, жестче. Конкурировать, сделать все, чтобы быть первым. Экономика США быстрее падает и поднимается, чем хозяйства развитых стран Европы.

Вот утверждение: «конкуренция – это очень хорошо».⁴ По самому высшему разряду, 10 из 10, его оценили 30,6 % американцев, 22,4 % немцев и 17,6 % россиян. В Азии – 4,7 %

---

⁴ World Values Survey Wave 7 (2017–2020) Study # WVS-2017 v2.0 (Russia, USA, Germany). См.: worldvaluessurvey.org.

японцев и 0,6 % южных корейцев. Разница в коллективных моделях поведения очевидна.

Если в собственности государства до 10–15 % бизнеса, люди предпочитают долги и депозиты, а капиталы разделены между крупными держателями – значит, вы в Германии, Австрии. Население не слишком любит риски, в отличие от англосаксонской модели, не настолько мобильно, как в обществах эмигрантов. Не так обожает все новенькое, медленнее, чуть жестче, иерархичнее в структурах, которые создает. Больше требует социальных сеток безопасности (пенсии, медицинское страхование, соцобеспечение и т.п.). Это так называемая **континентальная модель, социальная рыночная экономика**. Консервативнее, спокойнее, выше роль банков и кредитов. И много мелких бизнесов, по размеру почти лавочек, масса социальной поддержки от государства.

Кто еще в **континентальной модели**? Нидерланды, Бельгия, Чехия, Словакия, Словения, Польша, страны Балтии, кто угодно в континентальной Европе. В такой экономике возникает «золотое сечение», баланс между частным и общим. С одной стороны, сильная социальная защита и большая роль государства. С другой – энергичное, самостоятельное население, крупнейший средний класс, малый и средний бизнес с долей в экономике до 40–55 %. В результате – независимость человека и семьи, к которой так стремился Людвиг Эрхард, автор германского экономического чуда («Бла-

госостояние для всех»). Семья готова выживать сама, а государство помогает ей в этом всеми стимулами.

Разве рыночная экономика может быть социальной? Разве капитализм может быть милостивым? Разве могут объединяться «рыночный» и «социальный» в одной фразе?

Да, могут. Такая экономика – царство среднего класса. В Германии доля малого и среднего бизнеса – 55 % ВВП (у нас 20–22 %). Рыночные свободы, либерализм сочетаются с самыми глубокими сетями социальной поддержки. Образование – бесплатное (т.е. за счет налогов). Есть, конечно, и платное, если вам очень хочется. Все виды обязательно-го страхования – пенсионное, медицинское, от безработицы. Источники – за счет личных взносов, платежей работодателей и государства (налоги). Часть взносов платят семьи, но зарплаты велики и их размер учитывает эти расходы. Есть все виды выплат – «больничных», по материнству, инвалидности, овдовевшим и сиротам и т.п. За счет государства – выплаты жертвам войн, преступлений, потерпевшим при исполнении служебных обязанностей, пенсионные схемы госслужащих.

Все это есть и в России. Но для нас важно, что это в одной из самых развитых рыночных экономик, с продолжительностью жизни 81+. Капитализм «самой высокой пробы» вовсе не свел обязательства общества к нулю. Не привел к торжеству «диких хищников». Наоборот, создал самые изощрен-

ные сети социальной поддержки.

Эти сети очень мощны. На социальные расходы (из бюджета и частных средств) в Германии идут 25,9 % ВВП (во Франции – 31 %) (2017–2019, ОЭСР). Эти расходы растут, еще в 1960 г. они составляли 16–17 % ВВП. На пенсии уходит 10,2 % ВВП, на медицину – 8,2 % ВВП (ОЭСР). Коэффициент замещения пенсиями зарплат – под 40 % (у нас около 30 %). И у государства не так много собственности. Его совокупная доля в 10 топ-компаниях в Германии – 11 % (2013, ВЭФ), в России – не менее 40–50 %.

В таком «государстве благосостояния», чтобы выполнить социальные обязательства, нужны высокие налоги. Доходы общего правительства в Германии – 47 % ВВП (МВФ, 2020). Для нас это перегруз (в России – 35–37 % ВВП), с такими налогами быстро не растут. Тем не менее видно, что рынок и высокая социальная нагрузка совместимы.

А скандинавская/шведская модель? Это разновидность социальной рыночной. Больше налогов, но и гораздо сильнее социальная поддержка, сети безопасности для каждой семьи.

Есть еще **средиземноморская модель**. Испания, Италия или даже Франция. Это тоже **социальная рыночная экономика**, континентальная – не англосаксонская модель. В ней всегда будет больше государства, чем в Нью-Йорке, или Лондоне, или даже во Франкфурте. Выше его роль в экономике, в имуществе, в потреблении. Всегда больше банков

и кредита, чем финансовых рынков. В этой модели очень много семейного бизнеса, когда даже крупная компания в собственности у 2–3 владельцев, у семей. И никого они к себе не пустят.

В этих экономиках чуть больше «расшатанности»: кажется, что они чуть больше разболтаны, и южное солнце придает любому экономическому бытию в них оттенок меньшей обязательности и гибкости, чем на севере. В них больше хочется лениться.

Есть в Испании что-то неуловимо похожее на Россию. Бывшая империя. Рывки к модернизации. Тоталитарный режим как ядро XX века. Женщины – красивы и экзотичны. Особенный путь, комплексы – всегда великие. И тот же неуловимый привкус хаоса, приправленного порядком. Талантливы, но не без ленцы. И климат – у одних мороз и печка, у других – жара, сушь и сиеста.

Италия, Испания и Португалия смогли ответить на свои вызовы. Идеологически расколотые нации стали едиными. Совершили свое экономическое чудо: Италия в 1960-х, Испания в 1960-х – середине 1970-х, Португалия – вдогонку. Из технологически отсталых, сырьевых пришли в современность. А дальше с 1980-х шли уже вровень со всеми.

В Испании в начале 1960-х ожидаемая продолжительность жизни была на 2–3 года выше, чем в СССР. Сегодня – на 10 с лишним лет. На рубеже 2020-х Испания на 4-м месте в мире по продолжительности жизни, Италия на 6-м. Живут

83 года. В Португалии – больше 81 года. ВВП на душу населения в Испании и Италии примерно в 3 раза больше, чем в России, в Португалии – в 2 раза. По ППС – на треть выше, в Португалии – на 10 %.

В азиатской модели государства до 20–30 % и выше. Бизнес находится в руках немногих «крупных»; много семейных фирм. Акционеров среди населения немного – разве что спекулянты. Корпорации и банки с удовольствием владеют друг другом, много «перекрестной собственности», крупных финансово-промышленных групп с горизонтальными пересечениями. Жесткие иерархии, дисциплина, традиции служения и закреплённости странным (для европейца) образом сочетаются с высокой степенью свободы и инноваций.

Китай – отдельная история. Он по-прежнему во многом административный, полурыночный. Собственности государства – «выше крыши». Общество одновременно считает себя и рыночно ориентированной экономикой, и социализмом с особенным лицом. Жесткости, директивности гораздо больше, чем в других моделях (кроме командной).

Наконец, **латиноамериканская модель**. Много государства (очень высокий уровень концентрации власти и ресурсов), свой особенный путь, регулярные шоки из-за границы, масса серой экономики, много бедности, население занято выживанием и временками. Есть образцы высоких технологий, но в целом – сырьевые экономики с вечно деформированными финансами. Экономике постоянно трясет (бу-

шуют мировые цены на сырье, слишком много спекулятивных нерезидентов с горячими деньгами, вечно склонных к панике и бегству).

Это – модель стагнации. В такой модели очень сильны дикризм и концентрация ресурсов в одной точке. Это государство сверхцентрализации, любящее упаковывать людей, активы в нечто крупное, чтобы легче управлять. Государство – большая корпорация, где люди являются не целью, а скорее ресурсом, которым управляют.

Это государство крупных интересов, связанных прежде всего с тем, что желает и к чему стремится сама власть, а не население. Оно крайне нестабильно, поскольку модель экономики, лежащая в его основе – рисковая, штормовая, тупиковая. На вертикалях, на сверхцентрализации нельзя построить динамику и инновации.

Иранская модель – вынужденная, складывается под сильным внешним давлением. Полузакрытая экономика, под тяжелейшими санкциями, с огромной ролью государства и связанных с ним окологосударственных/силовых структур, с большим теневым сектором, серым экспортом/импортом, с высокой ролью среднего и малого бизнеса (кормит население). Коллективное поведение – в рамках жесткой, насаждаемой сверху идеологии. Больше всего ориентирована на Восток, минимум отношений с Западом (санкции). Крупнейшие объемы участия государства в собственности, ресурсах, производстве и распределении, финансовом секторе,

его прямое вмешательство в макроэкономические переменные (цены, курс валюты, процент и т. п.). Экономика, пропитанная идеологией (религиозный или политический фундаментализм). Крупнейшие разрывы в технологиях с развитыми странами и Китаем, попытки автаркии в ключевых системах страны, в т. ч. в финансовом секторе, ИТ, телекоммуникациях, сильная зависимость от серого импорта технологий, оборудования, высокотехнологичных товаров и услуг для населения. В экономику встроены монополии, кормления, кумовство («капитализм для своих»). Развитая инфраструктура вокруг страны для обхода санкций. Высокая нестабильность, масса дисбалансов. Существует десятилетиями, с конца 1970-х.

Модель административной (командной, директивной) экономики

Наше сознание пронизано клише. Социализм – равенство, братство и коллективизм. Всё бесплатно – образование, медицина. Государство платит пенсии.

Реальность – другая. Ни разу в истории социалистические эксперименты (до 15 стран) и запреты частной собственности не заканчивались процветанием. Они неизменно приводили к жестким вертикалям, к дефицитам в потреблении и личном имуществе, к потере интереса людей к деятельному существованию, к созданию «человека зависимого», к резкому отставанию в технологиях и потреблении от рыночных

обществ, к закрытости, к штамповке мозгов. А потом утопии разрушались.

Как устроена такая модель («сталинская», в крайнем ее виде)?

1) Максимум собственности государства. Любая другая собственность, кроме личной, превращается в «псевдо» и подчинена государству.

2) Централизованное, сверху установление цен государством (цены рынка вытеснены в «купи-продай» на мелких городских рынках (продовольствие, кустари). Так же, сверху – «цена» денег (процент, курс рубля).

3) Централизованное, сверху планирование производства продукции по самой детальной номенклатуре (неизменно приводит к дефицитам, к устареванию, к припискам и т. п.).

4) Централизованное, сверху распределение продукции между потребителями (пример – завоз на места продовольствия и ширпотреба по выделенным сверху лимитам и фондам).

5) Централизованное, сверху финансирование (бюджет, распределение кредитов по «кредитному плану»), банки, принадлежащие государству.

6) Централизованное, сверху распределение рабочей силы, ограничение ее «самовольной» мобильности, широкое использование принудительного труда (армия, заключенные, спецпоселенцы).

7) Закрытая экономика (запрет валютных операций, пере-

вода денег за рубеж, госмонополия внешней торговли), ноль финансовых рынков, закрытость информации.

8) Низкий уровень оплаты труда, за счет этого – «бесплатные» медицина, образование, частично спорт, отдых и т.п., низкий уровень сбережений, их регулярные отъемы (денежные реформы, прямые изъятия, конверсии госзаймов, повышения цен и т.п.).

9) Милитаризованная, идеологизированная экономика («все против нас»), гражданское производство – «на заднем дворе».

10) Общество дефицитов, неспособность покрыть предложением спрос (нет экономического интереса, рынков, невозможно «сверху», директивно учесть и реализовать все потребности, нерешаемая задача в управлении сверхсложной системой из сотен миллионов человек).

11) Общество подавленных инноваций, копий.

Социализм неизбежно запирает в клетки. В прежнем Китае – клетки с пятак, в СССР – чуть шире, в Югославии – кажется, что ты в комнате побольше, но все равно в клетке. Клетка – в потреблении, в думании, в имуществе, в движении, в добыче своего куска.

Ты не принадлежишь сам себе, ты подчинен, ты находишься в обществе, скорее, карьеристском, лакейском, где главный капитал – власть. И, если вспомнить историю реального социализма, это общество крайне склонно к насилию.

Какова же модель коллективного поведения в такой эконо-

номике?

Она может быть сведена к простым правилам:

а) молчи;

б) служи;

в) не двигайся – забьют, как гвоздь;

г) терпи;

д) умей уходить в себя;

е) читай – в книгах есть сложное общество;

ж) абстрагируйся;

з) не думай о будущем – зачем?

и) создай свой круг, самый ближний, именно в нем – вся жизнь;

к) не строй иллюзий;

л) и все-таки – наслаждайся. Нельзя не наслаждаться жизнью, когда она есть.

В России эти правила царствовали больше 70 лет. И для них всегда есть новая почва.

Мобилизационная экономика

Что это такое? Разновидность командной экономики. Возникает во время войн / других сильнейших стрессов, испытываемых обществом. Преобладание: а) прямого распределения государством ресурсов и продукции (Госплан, Госснаб), б) нормированного распределения продовольствия, минимально необходимого набора товаров для

населения, в) централизованно устанавливаемых цен, процента и т. п., г) централизованного распределения кредитов (кредитный план) и других ресурсов. Все щели в экономике закрыты (не выехать, не вывезти). Финансовый рынок – под ноль. Прямое распределение «человеческих ресурсов». Рынок труда – под ноль, свободное перемещение людей – к нулю. 100 %-ная монополия государства на идеологию. Репрессивное право и его применение в широкой сфере отношений. Если война – взрыв военных расходов и производства военной продукции.

Какая модель экономики лучше, какая – хуже?

Хуже всего – латиноамериканская и командная. Каждая модель складывалась исходя из истории, местных традиций, моделей коллективного поведения, уровня развития, подверженности крайностям, черных и белых лебедей. Но базовый тренд понятен – там, где «золотой миллиард», государства в экономике не больше 10–15 %. Ну, может быть, чуть больше в азиатской модели.

Модели коллективного поведения меняются

Есть масса любителей похоронить то или иное общество, потому что его модель коллективного поведения ни на что не способна. Она плоха, она инертна, она жестока, она обрекает общество на бедность или даже на вымирание.

Все это не так. Модели коллективного поведения меняются. У этого есть огромный международный опыт. В послевоенной Европе – Германия, Италия, Испания, Португалия, Греция. В Азии – Япония, Южная Корея, Китай с Гонконгом, Тайвань, Сингапур, Малайзия, за ними вдогонку – Индонезия и Вьетнам. Огромны изменения в Индии. На Ближнем Востоке – Дубай.

Разве азиатские общества стали англосаксонскими? Или превратились в континентальную модель Европы? Нет, конечно. Но став более открытыми, более свободными, более индивидуалистическими, более «горизонтальными», получив прививку от западных обществ, они, сохраняя свою самобытность, смогли решать главную задачу – жить как можно дольше и лучше семьям и людям, быть быстрее, быть технологичными, быть богаче и жизнеспособнее как народы.

Они смогли найти «золотую середину» между свободой и принуждением, которого всегда было слишком много.

Это ждет и Россию, и все постсоветские страны. Они ни-

куда не денутся – рано или поздно.

Что еще почитать

У автора. Легко найти в Интернете.

О моделях экономик:

- Рынок ценных бумаг России: воздействие фундаментальных факторов, прогноз и политика развития. М.: Альпина Паблишер, 2002. С.211–232.
- Финансовое будущее России. М.; Кнорус, GELEOS, 2011. С. 356–363.
- Финансовый конструктивизм. М.: Лингва-Ф, 2014. С. 128–161.

Иранская модель:

- Миркин Я. Что происходит, когда страну отрезают от ресурсов, денег и технологий // Российская газета, 25.01.2022.
- Миркин Я. Предисловие // Рипинская П. Иран. Экономика под санкциями. М.: АСТ, 2022. С. 7–13.

В. Кандинский

Часть II

Наша модель

коллективного поведения

Как мы живем?

Чересполосица

То маслицем намазать, то под зад коленкой. Время, как ни штопай, следует полосами. Это циклы, тренды (при всей неоднозначности того, что происходило внутри):

1797–1801 – ужесточения, Павел I, структурирование;

1801–1825 – либерализация, Александр I, парламентские проекты;

1825–1855 – централизация, свертывание власти в жгут, Николай I;

1855–1881 – либерализация, Александр II, реформы, представительство;

1881–1894 – закручивание, Александр III, административное давление;

1894–1917 – вынужденная либерализация, Николай II, парламент, февраль;

1917–1921 – октябрь, военный коммунизм, всё – административно;
1921–1931 – либерализация, НЭП;
1931–1953 – сбор всего в кулак, административная система, Сталин;
1954–1970 – либерализация, оттепель, экономическая реформа;
1970–1985 – централизация, бюрократизация, концентрация;
1985–1998 – либерализация, децентрализация, разгосударствление, разнос;
с 1998 – шаг за шагом концентрация власти, сгущение государства.

Большие качели. Как и за кордоном.

Это циклы в 15–25 лет, хотя были и короче, и длиннее. У них есть причины, никакой тайны. Живая пульсация общества. То отпустить, чтобы дышало, то придавить, чтобы удержать. То дать волю, чтобы полный вперед, то зажать, чтобы не упустить.

Наша особенность: сто с лишним лет в России – из крайности в крайность. Амплитуда чрезмерна. Из одного перебора в другой.

Ну а дальше? Никто не скажет когда, но жизнь сама отпустит вожжи. На дистанции в 5—10 лет. Скорее всего, это случится. Если, конечно, мысленно продолжить этот ряд.

Что еще? Действие равно противодействию – закон жизни

больших систем. Чем дальше мы зайдем в том, что называется «сверхконцентрация власти», тем сильнее будет обратное движение.

Маятника никто не отменял.

Лучше не нужно. Просто из чувства самосохранения. Ради любви к тем, с кем мы вместе, в одно время живем. Любовь и жалость здесь – одно и то же.

Но жалость, обращенная к народу, – редкость в нашей истории.

Россия крайностей и стрессов

Крайности изменений

Начало XVIII века, реформы Петра I – утроение податных тягостей, всеобщее разорение и одновременно – то ли убыль населения, то ли уход его в тень, чтобы государство не видело – по крайней мере на 20 % (П. Н. Милюков, 1905). Модернизация второй половины XIX века – кампания террора. Октябрьская революция, 1917–1921 гг. – убыль населения на 8—10 % (Питирим Сорокин, 1923). Сталинская модернизация, 1930-е – убыль населения на 4–5 % (А. Вишневский. Демография сталинской эпохи, 2003). Реформы 1990-х – убыль населения на 1,3 % в 1991–2000 гг. (прямая убыль, без учета нерожденных детей) (Росстат, МВФ).

Да, победа в Великой Отечественной войне! Мы плачем, мы гордимся, мы встаем на колени. Но какой человеческой

ценой – перемолотые миллионы жизней! На каждого немца погибли трое советских. По меньшей мере трое.

300 лет реформ в России, модернизационные рывки, множественные попытки догнать Запад – все это всегда, за немногим, происходило «железной рукой». Самым жестоким способом, с огромными потерями населения.

Это закономерность? Были бы наверху Иванов, Петров, Сидоров – это все равно случилось бы? Кажется, что исторический «закон крайностей» действует в России. Жесточайшие вертикали, пронизывающие общество, или сами ломают, или их ломают. Победы, великие победы – через великие утраты жизней.

Всегда остается вопрос: нельзя было тех же или даже гораздо лучших результатов достичь не расстрельным способом? Но история не имеет сослагательного наклонения.

Крайности моделей общества

Есть две крайности, между ними ходит, как маятник, любое общество, любая страна. Свернешь резко направо – царство вседозволенности, полная анархия, взрывающая экономику. Шоки, торговые войны, право сильного, беззащитность и, как апофеоз, бедность большинства семей. Нет желания и сил думать, к чему-то стремиться, зарабатывать. Выживание – не лучший способ для развития.

Налево – другая крайность. Всевластность государства и крупнейших олигополий. Джунгли правил и надзора, сквозь них невозможно пробраться, не нарушая. Человек, ставший

дворней, служивым, обладающий лишь малым имуществом, его пытаются втиснуть в рамки жестких технологий, немислимой отчетности и надзора. Препоны и запреты отбирают время жизни, когда нужно действовать и думать. Человек творческий, принимающий риски, замирает, как пойманный. Он безвольно повисает, и чаще всего ему остается только эмиграция – внутренняя или внешняя.

Крайности сходятся. Что резко налево, что направо – за ними бедность, короткие временные горизонты, бессилие частного лица и, самое главное, технологические тупики для развития.

Это общества времянок, пирамид и хибар. Инновации? Миллионы идей и продуктов? Никак нет. Они – функция от свободы думать, быть подвижным, спокойно наращивать имущество и доходы на долгие времена.

Баланс между крайностями

Все общества, все страны живут между этими крайностями. Самые успешные из них – те, что нашли лучший баланс между принуждением и свободой думать, добывать, достигать и накапливать. Англосаксонская, континентальная (европейская), скандинавская (ее разновидность), азиатская, латино-американская, иранская модели экономик – все это разные степени свободы и концентрации собственности. И разная глубина вмешательства государства в частную жизнь.

Каждая из этих моделей не случайна. Они рождаются из прошлого обществ, из их традиций, ценностей, из того, кем

является «коллективный человек». Но мы точно знаем, что экономики-победители – всегда стаи свободно мыслящих, самостоятельных людей, поощряемых в этом государством, но регулируемых так, чтобы не допускать анархии, общественных взрывов и сверхмонополий в любой области жизни.

Такие «всепобеждающие» общества всегда основаны на дисперсной собственности. На «золотой середине» между свободой и несвободой, между частными и общими интересами. Любые сверхконцентрации в имуществе и экономической власти, любой резко правый или левый уклон лишают людей, двигающихся и думающих, надежды и времени, прививая им страх и беспомощность.

Экономика, огосударствленная на 80–90 %, – неживая. Ее антипод, псевдолиберальное общество, в хозяйстве которого государства на грош, на 5—10 %, а крупнейших олигополий, экономических баронов и князей – на 70–80 %, нежизнеспособно. Это миры времянок, дворни, зарплатных рабов, технологического тупика, подавленного мышления. Экономика, состоящая из крупной собственности до 25–30 %, государства – до 10–15 %, а в остальном – основанная на имуществе и доходах среднего класса, мелкого и среднего бизнеса – только она живая.

Мы и крайности

Веками Россию клонит в крайности – «царство несвободы». Попытки либерализации (1860-е, реформы Столыпина,

февраль 1917-го, 1990-е) неизменно заканчивались откатом к жесткости. Наше общество вновь и вновь обретало вертикали, железную руку, пронизывалось всеохватывающей властью.

А что потом? Асфальт, из-под которого нужно пробиваться всему живому.

Это не слова осуждения. Не стон и не плач. Просто факты жизни, которые стоит изменить – перестать быть страной крайностей и стрессов. Нет ничего невозможного, есть огромный опыт других стран.

Но об этом позже.

Каждое поколение теряет

Мы все готовы сделать так, чтобы следующие поколения в семье не начинали с нуля. Дать им стартовые точки активов, финансов лучше, чем у нас самих.

В России это сделать тяжело.

XX век в России – 2 гиперинфляции, 4 денежные реформы, деноминация. Войны, революции, отъем государством семейных активов: 1917–1918 гг. («черный передел», изъятие активов имущих и среднего класса), конец 1920-х (убийство НЭПа, частных предприятий), 1930-е (коллективизация, раскулачивание, изъятие ценностей в городах).

Каждое поколение теряло свои активы, начинало с нуля.

XXI век – пока продолжение этой истории. Уже 4 кризиса,

5 девальваций и 4 пенсионные реформы.

1) 1–2 раза в 10–15 лет в России происходит кризис. Девальвация, вспышка инфляции, потеря денег. Это обычная статистика таких развивающихся стран, как Россия. Доказано академически.

2) Каждое поколение россиян теряет свои активы, а новое начинает жизнь с нуля. Приблизительно раз в 20–25 лет. Верно в XX веке, а может быть, и в XXI веке.

3) Каждую семью за последние 30 лет грабили 3–4 раза (разные люди и разными способами).

4) Государство любит выжимать. В нем и правилах, им создаваемых, нет ничего постоянного. В сырьевой, рентной экономике отношения государства с населением – всегда торг. Главный тренд – больше взять, меньше дать. Надеемся прежде всего на себя.

5) Имущество отнимают финансовые рынки. На них крупные и профи кушают мелких и малограмотных. Все равно, что слепому и глухому вступить на дорогу, по которой мчатся грузовые фуры.

6) В управлении нашими активами сильна генетическая память. Память о том, что любыми активами семья владеет временно. Для отъема всегда кто-то найдется. Поэтому мы все – во временках.

7) Только 1–2 % активов российской семьи способно пережить 3–4 поколения. Иное – большая редкость.

8) Новые кризисы, как, впрочем, и подъемы всегда впер-

ди. Никогда не кончатся.

9) Стабильности не будет. Жизнь нашего имущества – большое приключение.

10) Это значит, что то, что мы делаем, основано на временках.

11) Короткие временные горизонты заложены в основу нашего коллективного поведения.

Временки

Попробуйте найти гражданские строения XVI–XVII вв. Есть церкви, есть дворцы, но обычных домов, в которых жили бы обычные люди, – их почти нет. Да и дерево – не такая прочная вещь. Построишь – а потом оно исчезает век за веком. Все исчезает, как будто каждому поколению нужно строить заново. «Хрущевки» – временные конструкции, а строения начала XXI века, реинкарнацию хрущевок в 30–40 этажей, все равно придется ломать, ибо построены они точно не на века.

Все – временно, все – ненадолго. Дороги, бедные наши дороги, когда-нибудь о вас можно будет сказать, что вы везде хороши? А коммуникации – они не на живую нитку? Огромная их часть в России требует замены (Росстат).

«Нормативка», растущая по экспоненте, административные реформы, идущие с высокой скоростью, – нет ничего в институтах, что бы задержалось надолго, потому что проще

всего менять по форме, не меняя по существу, оставляя при этом великое, избыточное здание государства.

Трудно думать на 2–3 поколения вперед, трудно строить имущество и жизнь для тех, кто будет потом, потому что знаешь заранее: что-то случится, что-то возникнет как будто ниоткуда и разрушит все то, что ты пытался сделать, до основания.

А если так, то зачем стараться и к чему стремиться?

Так возникают временки как способ бытия, в чем бы они ни выражались.

Нам очень нужно изменить это, раз и навсегда.

Российский «коллективный человек» начала 2020-х

У 65 % населения есть деньги для приобретения еды и одежды, но телевизор и холодильник – уже с трудностями. 3 % объявляют себя нищими, 15 % – бедными. На богатых и «обеспеченных» (нет проблем купить холодильник) остаются 4 % и 14 %, соответственно.⁵

Доверяют власти по вертикали (64 % – Президенту РФ, 51 % – правительству), то же количество – армии (60 %), но отказывают в доверии банкам и предпринимателям (9 %).⁶

---

⁵ Куда идешь, Россия? Экспресс-информация / В. К. Левашов и др. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 43.

⁶ Там же. С. 16.

Больше чем 40 % объявляют, что «сколько ни работай, материального благополучия не обеспечишь».⁷ 54 % считают, что государство пока не выполняет своей обязанности по обеспечению достойной жизни граждан (опрос в сентябре 2020 г.).⁸ Обратите внимание – обязанности! По мнению 68 % опрошенных, «России нужна твердая рука», 71 % отказываются от перемен в пользу стабильности, они хотят именно стабильности.⁹

Общество перенасыщено идеями коллективизма, оно пронизано «левизной». По опросам для 44 % социализм и порядок – синонимы, для 38 % социализм – это коллективизм, для 29 % он равнозначен справедливости. А что такое «капитализм»? Для 45 % – «власть узкой группы людей», для 28 % означает социальную незащищенность, для 23 % капитализм – синоним бедности. 17 % видят будущее России в «социализме» Швеции, 11 % – ура китайскому социализму, но только 9 % хотели бы в России общества по модели Германии, США, Франции, Великобритании (опрос в декабре 2020 г.)¹⁰.

Большинство населения «влюблено в государство»: 65 % считают, что роль государства необходимо усилить в самых

---

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов / В. К. Левашов и др. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 47.

⁹ Куда идешь, Россия? Цит. соч. С.27.

¹⁰ Там же. С. 16, 30, 31.

разных сферах, включая экономику и бизнес («Государство и общество», ВЦИОМ, опрос в январе 2021 г.). Всего лишь 28 % за то, чтобы вмешательство государства было минимальным. А какова главная обязанность государства? Для 96 % – оказывать социальную поддержку и заботиться обо всех. А о чем, собственно, заботиться! В первую очередь, здравоохранение и образование, на 3-м месте – «новые производства», обеспечение жильем – на 4-м (там же, ВЦИОМ). Они – «люди государевы»

Преобладающая философия жизни? «Работу и зарплату мне дает крупный (государство, бизнес), у него же я лечусь, отдыхаю, учусь сам и учу своих детей, получаю жилье или даже льготные ссуды на жилье. Мне это положено, для меня все это распределят и до меня и моей семьи доведут. Да, я служу у «них», «они» мне обеспечат стабильность, а на мой век мне хватит».

Такова философия службы, и она побеждает, пока есть сырье, пока на него есть спрос и потоки сырья и валюты могут обеспечить приемлемый уровень жизни.

Модель коллективного поведения жестко формирует модель общества / модель экономики (не без обратной связи, конечно).

Карта обществ. Наша модель

Какая модель экономики сложилась в России за 30 лет?

Доля государства в капиталах 10 крупнейших национальных компаний: Россия – 88 %, Германия – 11 %, Франция – 17 %, Бразилия – 50 %, Индия – 59 %, Малайзия и Индонезия – 68–69 %, Китай – 96 % (2013, ВЭФ).¹¹ Наш главный тренд – рост влияния государства в экономике, все большая концентрация ресурсов, денег, мозгов в центре, в столицах. Укрупнение, усиление вертикалей по всем фронтам. Модель экономического роста – всё вокруг бюджета. Каждый крупный промышленник или аграрий добивается бюджетных субсидий, налоговых льгот, софинансирования из бюджета на что угодно (инвестиции, возмещение затрат на ссудный процент, лизинг, НИОКР, разницы в ценах и тарифах).

Но такая модель роста заранее обречена на поражение. Бюджет – не резиновый. Он не может выдержать и пушки, и масло, и инвестиции, и постоянную откачку средств в избыточные резервы. Так не бывает.

А что внизу? Экономика большинства регионов очень зависит от того, найдутся ли для них федеральные проекты. Удастся выбить средства – живы, цветом. Нет – всё хуже. А еще от того, какие расходы и какого размера дефициты бюджетов регионов удастся возместить из центра. В госфинансах та же логика – собрать как можно больше наверх, а потом частично раздать вниз.

Всё вместе – экономика вертикалей. Конечно, это не ад-

---

¹¹ Büge M., Egeland M., Kowalski P., Sztajerowska M. State-owned Enterprises in the Global Economy. WEF, 2 May 2013.

министративная система (в ней Россия жила 70 лет). Нет 100 % собственности государства на предприятия. Нет на 100 % централизованного распределения ресурсов. Это не тотальное прямое управление, вечно не успевающее за жизнью, не «сталинская модель» экономики. Но все-таки – избыточная централизация. Крупнейшие активы сбиваются в пакеты, упрощаются – и ими управляют сверху вниз, с «командных высот экономики». То же – с землей. Доля госсобственности на землю выше, чем до 1917 г. А частные земли все больше укрупняются в латифундии, зависящие от преференций государства.

Это – экономика перевернутой пирамиды. В ее основании (семьи) слишком мало собственности. Семьи слишком зависят от куска «сверху». Малый и средний бизнес подавлен. Уже годами его доля не выше 20–22 % ВВП (в ЕС до 50–55 %).

В такой экономике служат, а не действуют. Конкурсы в вузы, где готовят служащих, зашкаливают. В ней неважно себя чувствуют инновации. Крупные структуры малоподвижны, плохо принимают все новое, особенно со стороны. Нет бульона из мелких генераций идей, когда все кипит.

Такая экономика неизбежно основана на взгляде, что люди – «вторая нефть», что они готовы жить и работать правильно, только если их принудить. Всегда желают выскользнуть, убраться в щели, там накопить жирку. Значит, нужно знать о них всё (надзор); извлечь у них всё, что им не нуж-

но (налоги); изъять, что скрыли, копят в серости (жесткие законы и сила). Население должно быть прозрачно для властей. Из года в год наращивать учет, контроль, способность достать до каждого, когда он – «не туда».

В такой экономике вечны переделы собственности. Всегда временки, потому что бизнес в любой момент может стать целью враждебного поглощения. Или объектом для укрупнения в госсекторе. Или будет мешать какому-то проекту. В ней не строят бизнес для следующих поколений. Взять свое – и исчезнуть.

В такой экономике, как ни борись с офшорами, бизнес будет стремиться вывести за границу капиталы, активы, прибыли. Многие годы Россия является чистым экспортером частных капиталов. Давным-давно доля офшоров во входящих/исходящих прямых иностранных инвестициях примерно 60–70 %.

Такая экономика неизбежно настроена на торможение. Низкая доступность кредита для бизнеса, сверхвысокий процент, избыточные налоги, тяжелейшие административные издержки, огосударствление, денежное опустынивание регионов – и, наоборот, сверхконцентрация ресурсов и собственности в Москве.

Что еще? Это «экономика наказаний», а не стимулов. Объемы Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях выросли в три с лишним раза с момента их принятия.

В России огромный дефицит инвестиций, но зато – избыточные резервы. Фонд национального благосостояния (ФНБ, деньги из бюджета) в 2020–2021 гг. – больше 150 млрд долл. В начале 2020-х мы – 4-е в мире по международным резервам (больше 600 млрд долл.), 5-е по запасам золота у Центрального банка, но 11-е в мире по номинальному ВВП. Эти деньги (золото не в счет) долгие годы лежали за рубежом, не расходовались ни на инвестиции, ни на «социалку». В феврале – марте 2022 г. больше половины живых денег из международных резервов / ФНБ были заморожены на Западе.

В итоге – еле ползем. Многие годы инвестиции в России – до 21–23 % ВВП. Для быстрого роста нужно гораздо больше, хотя бы под 28–30 %.

Это тупиковая модель экономики. Она вымывает из страны самых лучших, самых активных, тех, кто готов брать на себя риски, создавать проекты, генерировать идеи!

Какую модель экономики мы создали?

В 1990-е мы пытались строить **англосаксонскую модель** как цель, как то, что нужно всем. Не получилось – мы другие. Даже сама попытка вызвать к жизни, сразу и немедленно, свободные силы рынка в крупнейшей экономике, бывшей до этого 70 лет командной, привела к огромным разрушениям. К миллионным потерям людей – не только предприятий и технологий, вытесняемых внешней конкуренцией и тяжелыми внутренними условиями инвестиций.

Тогда началась вторая попытка – уйти в **китайскую модель**. С 2000-х эта идея все больше овладевала элитой. Управляемость, вертикали, больше государства, чем в 1990-х, больше мощи в одних руках, всеобъемлющий контроль за населением, одинаковость массового сознания.

Но мы – другие. На нас не «натянешь» **азиатскую модель** коллективного поведения людей. Мы не добьемся так высочайшей производительности и дисциплины, мы, скорее, разбежимся по серой, неформальной экономике, по своим углам, озираясь по сторонам – мы люди маленькие, на наш век хватит.

Китай в своей модели неизбежно идет по пути приращивания рыночных свобод, он подчинен задаче преодоления дичайшей бедности, в которую был погружен еще 20 лет назад. В Китае – растущий средний класс. У нас обратный тренд – пусть медленное, но сжатие рынка, и есть риски, что мы можем сползти к закрытой, почти командной экономике.

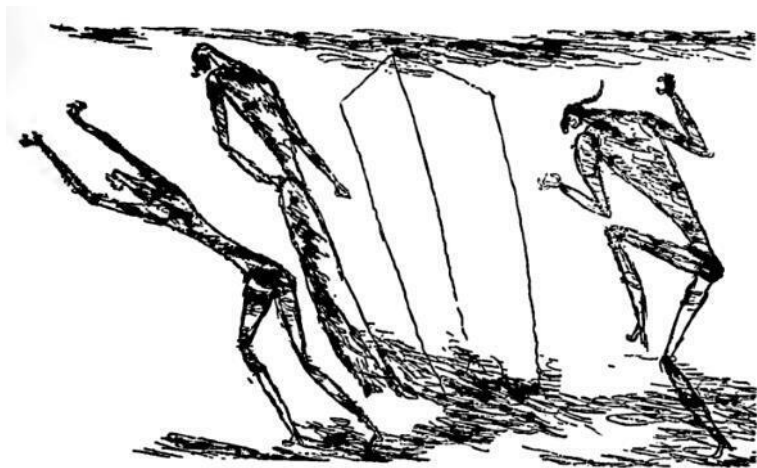
Мы построили латиноамериканскую модель. Больше 20 лет глобальные инвесторы считали, что Россия – аналог Бразилии, и наоборот.

С 2022 г. есть высокие шансы уйти в иранскую модель или даже в командную, мобилизационную экономику.

Они. В чьей мы власти

В России сложилась модель жесткой элиты – из века в век.

Мы – «внутри» этих людей, их желаний, их комплексов, их личностей. Из века в век для элиты народ – скорее, расходный материал, способ удовлетворить свои интересы (власть, имущество, личные идеи, персонализация и обожествление государства, мании). Не хотелось бы этого говорить, но такая практика, наше бытие. На это ясно указывает статистика человеческих потерь в последние 100 с лишним лет.

П. Клее

Это модель элиты «по образу Петра I» (об этом ниже). Он был одним из лучших ее образцов (а были и худшие). Природа, механика такой элиты – см. подробно в моей книге «Пра-

вила неосторожного обращения с государством». ¹²

Россия как Бразилия

Финансовые рынки России и Бразилии многие годы были почти синхронны. Смотришь на рубль – а он движется, как бразильский реал. Смотришь на акции на бирже в Сан-Паулу, а видишь, что с ними происходит в Москве. Особенно ярко – до 2014 г.

Эти рынки очень похожи. На них много иностранных спекулятивных инвесторов с горячими деньгами. И синхронность движения может означать только одно: они видят перед собой рынки и страны-аналоги и давно знают, что если падают акции в Бразилии, то они упадут и в России, и наоборот.

Так в чем же сходство?

Экономики по размерам схожи. Россия – 11-я в мире по номинальному ВВП, Бразилия – 12-я (2021, МВФ).

Россия – 6-я в мире по ВВП по паритету покупательной способности (ППС), Бразилия – 8-я (2021, МВФ). Эти экономики – во многом сырьевые (нефть, продовольствие, металлы).

Мы – похожи. Более 100 лет Бразилия остается рыноч-

---

¹² Разделы «Психика первых лиц», «Мыслительная деятельность первых лиц», «Животное происхождение правителей» // Миркин Я. Правила неосторожного обращения с государством. М.: АСТ, 2020.

ной экономикой, пытающейся соединить крупную собственность, социальный протекционизм, сильное влияние государства на хозяйство, ориентацию на Запад и собственные геополитические устремления. В 1930-е Бразилия и Россия одновременно прошли индустриализацию. В 1980-е жизнь Бразилии была подчинена пятилетним планам и суперпроектам, схожим с советскими (гигантские предприятия, стратегические вооружения, космос и атом, трансконтинентальная транспортная инфраструктура).

Экономика Бразилии была огосударствлена (в 1981 г. 50 % чистых активов составляли госпредприятия, 58 % кредитного портфеля формировались банками с госучастием). Широко развиты государственное планирование и контроль производства, цен, финансового оборота.¹³ Между Россией и Бразилией – «парадоксальная схожесть».¹⁴

Жизнь Бразилии отличается крайностями. Военные перевороты 1930 и 1964 гг., приход к власти левых сил в 1961–1964 и 2002 гг., череда президентов, не закончивших своего срока, циклические движения между открытостью и национализмом, авторитарностью и демократией, социалистической идеей и рынком. Вспышки экономического роста («чудо» конца 1960-х), в свою очередь, сменялись гиперинфляцией, финансовыми кризисами и денежными реформами.

---

¹³ Politics, Policies & Economic Development in Latin America. Ed. By Wesson R. Hoover Institution Press, Stanford University, 1984. P.67.

¹⁴ Мартынов Б. Бразилия – гигант в глобализирующем мире. М.: Наука, 2008.

В 1967, 1986, 1993, 1994 гг. – деноминации валюты в 1–2,7 тыс. раз. Экономика зависит от цен на экспорт (в 1997–2002 гг. мировые цены на кофе упали почти в 4 раза, на сахар – в 1,5 раза, Бразилии было очень не по себе).

А в чем еще сходство?

В идеологии, в том, что Бразилия видится как великая держава (региональная), как страна, имеющая особое предназначение и свою цивилизацию.

Существует большое сходство в коллективных моделях поведения населения. Как сказал президент Ф. Кардозу (2002), «бразильцы гордятся своей душой, тропически русской».

Сравним модели поведения?

Основы для сравнения дает проект World Values Survey (табл. 1) (его описание см. выше).

Что видим? В России и Бразилии кратно больше, чем в англосаксонской и континентальной моделях, полагаются на опеку государства, на вертикали («послушание»), на выравнивание доходов, на связи и удачу (и гораздо меньше на «тяжелую работу»). «Схлопываются» автономность и независимость человека, его желание взять риски, его склонность к рискованным инвестициям, инновациям.

Что из этого?

Такая модель поведения выстраивает «латиноамерикан-

скую модель». Возникает финансовый сектор, основанный на банках и долгах, с очень небольшими рынками акций. Участие «местных» в них резко ограничено.

Когда на глобальном уровне мы видим связанное, параллельное движение финансовых рынков, то можно полагать, что оно вызвано не инвесторами внутри страны, тем более розничными (их роль невелика), а прежде всего нерезидентами, глобальными инвесторами.

Так что мы все – «бразильцы», «латиноамериканцы». Впереди яркая жизнь, помноженная на природную суровость России к своим сынам и тягу к опасным социальным экспериментам. Наши активы испытают все тяготы походной жизни. Охранение их – большое приключение. Дело жизни каждого – защита их от ошибок государства, от мифов, ставших экзистенциальными ловушками для России, от растраты в штормах, неизбежных в деле выхода России (или Бразилии) на новые глобальные рубежи.

И все-таки Россия расходится с Бразилией. Почему? Ответ – разная демография. В Бразилии население растет, у нас нет. В 1989 г. население Бразилии – 142 млн чел., России – 147 млн. В 2021 г. в Бразилии насчитали 213 млн, в России – 146 млн.

Таблица 1

Модели коллективного поведения

Утверждение	Россия	Бразилия	Германия	США	Нидерланды
Я считаю себя автономным индивидом – в самой высокой степени	8,0	3,0	38,8	19,0	23,6
Какие качества особенно важны, чтобы воспитать их у детей в семье (выбрать не более 5)					
Независимость	37,8	37,6	73,5	53,6	60,7
Послушание	34,8	51,5	12,6	27,9	25,6
Доходы должны быть в наибольшей степени равными	34,4	25,9	16,3	9,2	7,0
Госсобственность в экономике нужно увеличить	23,0	18,2	4,1	2,3	2,0
Правительство должно нести больше ответственности за то, чтобы все были обеспечены	41,9	39,0	12,0	8,5	4,8
Тяжелая работа не приносит успех – это дело удачи и связей	8,1	13,9	3,7	3,6	2,3

*World Values Survey, <http://www.worldvaluessurvey.org>. WV6_Results Technical Records v.2016.01.01 (Brazil 2014, Germany 2013, Netherlands 2012, Russia 2011, USA 2011).

И еще одно расхождение. Возможно, что с 2022 г. мы взяли старт к иранской модели экономики.

Найти, добыть, терять. Аляска¹⁵

Это мог быть наш праздник. Больше 200 лет назад, 4 сентября 1821 г. (по старому стилю) вышел указ Александра I, которым Аляска была признана российской землей. Статус подтвержден конвенциями России с Британией и США 1824 и 1825 гг.

Но все-таки праздник в тех краях другой. Это День Аляски, 18 октября. Именно в этот день в 1867 г. состоялась церемония передачи Аляски от России США.

Как к этому относиться? Горевать? Искать заговоры? Нет, лучше всего попытаться понять, почему так произошло. Почему мы не живем в стране, лежащей на двух континентах, с площадью на 1,7 млн кв. км (на 10 %) больше?

История Аляски / Русской Америки может быть представлена как героический рассказ об экспансии империи на восток, о десятках географических открытий, о кругосветных плаваниях, о ярчайших именах мореплавателей и первопро-

---

¹⁵ Впервые в журнале «Родина», 9.2021.

ходцев, осваивающих новый континент. И это правда. Начиная с XVII в. в Северо-Западной Америке появляются российские подданные. Дежнев, Беринг, Чириков, Креницын, Левашов, Крузенштерн, десятки других мореходов, люди отчаянного риска. Можно снять десятки блокбастеров о том, как «брались» на парусах моря, как в войнах с туземцами завоевывался восточный фронт Российской империи. Можно создать свой «Моби Дик», ибо все освоение Аляски основывалось на охоте на морского зверя. Но все-таки, почему ушла от нас эта лакомая земля, из которой только в XIX в. извлекли более 2200 тонн золота?¹⁶ Земля нефти и газа, не говоря уже о природных красотах. На Аляске 63 % запасов золота всей арктической зоны.¹⁷

Почему она ушла

Один из ответов – нехватка людей. В Русской Америке их всегда было очень мало, 200–600 русских поселенцев почти 100 лет. Плюс креолы (от смешанных браков), алеуты, эскимосы (аглегмюты, агульмюты, кускоквимцы, малемюты, чугачи), индейцы (квихпахцы, колоши, кенайцы, колчане, медновцы, угаленцы), унаглюты, инкалиты, курильцы (айны), тунгусы и т. д.¹⁸ Всего 7–9 тыс. чел., считавших себя «людьми

---

¹⁶ Бортников Н. и др. Арктические ресурсы золота в глобальной перспективе // Арктика: экология и экономика. 2014. № 4. С. 34.

¹⁷ Там же. С.34.

¹⁸ Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. Ведомость

России».¹⁹

Гораздо больше было тех, кто отказывался считать, что живет в Российской империи. «... Диких считалось в 40-х годах... до 36 000 душ».²⁰ Речь об индейцах калошах (тлинкитах) (1860).

Русская Америка – это история не только торговли, но и бесконечных конфликтов с индейцами, когда пришельцы «загнаны» за стены поселений и любой выход за них грозит смертью. Сотни столкновений, восстание тлинкитов 1802 г. – разве можно «освоить» новые земли, имея только 200–600 русских? «Оседлая колонизация посредством эмиграции невозможна и не состоится».²¹

За 100 лет (1770-е – 1867) было создано около 60 русских поселений. Тем не менее из 595 русских 87 % жили в Ново-Архангельске (столица) и на Кадьяке (один из Алеутских островов) (1860). Это крошечный остров среди бескрайних земель и десятков тысяч индейцев, не желавших никому «принадлежать».

Где переселенцы?

Почему за 100 лет не случилось больших волн переселен-

о числе присоединенных к православной греко-российской церкви инородцев. Спб.: В тип. Департамента внешней торговли, 1863.

¹⁹ Федорова С. Русское население Аляски и Калифорнии. М.: Наука, 1971. С.136, 248–251.

²⁰ Доклад Комитета об устройстве. Ч. I. С.44.

²¹ Там же. Записка бергмейстера Фуругельма. С. 580.

цев, как в США? Такие миграции сделали бы Аляску действительно русской. В России в начале XIX в. жили больше 40 млн чел., в 1860-х – больше 70 млн. В США, купивших Аляску, в 1800 г. было чуть больше 5 млн чел., а в 1870 г. 39 млн, в 2 раза меньше, чем в России.

Есть 3 ответа на этот вопрос. № 1 – крепостное право. Русские были закреплены в отличие от эмигрантов в США, которые в поисках лучшей жизни могли свободно проникать куда угодно. В России в 1859 г. было 23 млн крепостных, в Европейской России – 37,5 % населения.²²

Ответ № 2 – неосвоенные пространства за Уралом. Там было чем заняться, и жили всего лишь 4,2 млн чел.²³

Ответ № 3 – проблемная модель общества и экономики в Русской Америке. До XIX в. там вольница, борьба купеческих компаний, первопроходцы и герои при самых жестоких нравах (Шелиховы, Голиковы, Мыльниковы, Лебедев, Баранов и др.). До 80 купеческих экспедиций на кораблях,²⁴ с высочайшими рисками, с частыми крушениями судов. Ядро экономики – пушной промысел, сверхприбыльная добыча морского зверя, гигантские флотилии в 300–500 байдарок, совершавшие морские переходы по 2000 верст, без па-

---

²² Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Стат. исслед. Троицкого А. С. Спб.: ЦСК, 1861. С. 51, 83, 85.

²³ Там же. С. 82.

²⁴ История Русской Америки 1732–1867. Т. 1. М.: Межд. отношения, 1997. С.445–454.

русов.²⁵ Соотношение русских и «туземцев» – 1:25. Туземцы – основные добытчики. Они де-факто рабы (так называемые «каюры») или жестоко эксплуатируются («вольные алеуты»). Купить добычу дешево, припасы продать им дорого, еще и в долг.²⁶

В этом буйном мире была свобода воли и конкуренции. С начала XIX в. ее не стало. С 1799 г. Русской Америкой монопольно владела Российско-Американская компания (РАК), созданная из двух частных купеческих компаний указом Павла I под императорским покровительством. Эта акционерная компания (цель – прибыли и дивиденды), с правлением в Петербурге, закрывает Аляску для любых других добытчиков, выполняя одновременно функции государства, при поддержке казны. Ей даруются привилегии владеть и пользоваться всем, что есть на Аляске, занимать новые земли для России, производить мореплавание и торговлю «со всеми около лежащими Державами». Другим это запрещается. Подписано императором 8 июля 1799 г.²⁷

А каков результат? Мельчайшая по населению русская колония, ноль эмиграции из России при растущем человеческом и торгово-промышленном давлении США. 1/3 русских

---

²⁵ Там же. С.176.

²⁶ Там же. С. 176–179.

²⁷ Привилегии, высочайше пожалованные компании. См.: Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. I. СПб.: Тип. Веймара, 1861. С. 19–21.

– солдаты. Местное население сокращается (эпидемии). С конца XVIII в. число алеутов упало «более чем наполовину».²⁸

Капля в море

Еще одна причина потери Аляски – незначительность экономики. Ее основа – добыча морского зверя. Но уже в XVIII в. началось трех-четырехкратное падение ее объемов (истребление зверя и вымирание людей, «туземцев», главных в пушной охоте).²⁹ Ничто другое не могло принести хотя бы малейшей выгоды, слишком велики издержки.³⁰ «Лесная, горная и рыбная торговли значительными быть не могут».³¹

Чем же тогда заниматься? РАК уходит на сушу (добыча и выкуп у индейцев пушнины) и в торговлю чаем. Чай? А при чем здесь Аляска? Чай стал давать почти 50 % выручки РАК. Сама Аляска малоприбыльна, временами убыточна, хотя ее хозяйство разрослось: 32 «заведения», 13 судов, в т. ч. 4 парохода. Пароход «Баранов» из кипариса, обшит медью, построен на Аляске, и о нем сказано: «Хорош, хотя и некрасив».³² Деньги – «кожаные марки», прямоугольные

---

²⁸ Доклад Комитета об устройстве. Ч. II. С. 398.

²⁹ Там же. Сравнит. ведомость пушным промыслам.

³⁰ Доклад Комитета об устройстве. Записка капитан-лейтенанта Вермана. С. 601.

³¹ Там же. С. 572.

³² Доклад Комитета об устройстве. Ведомость о колониальных судах к 1 июля 1860 г.

разноцветные «кусочки дубленой тюленьей кожи со штем-пелем РАК».³³

Жить за счет «своего» – выращенного, добытого, сделанного – Аляска не может. В колонии «всегдашнее оскудение в наиважнейших предметах».³⁴ Издержки на доставку провизии и изделий из России и отчасти США огромны, десятки погибших судов, особенно в 1-ю четверть XIX в. Для снабжения РАК было организовано 1-е российское кругосветное путешествие Крузенштерна и Лисянского (1803–1806). За ним в 1803–1868 гг. более 50 плаваний от Финского залива до Аляски, частью кругосветных, с вывозом обратно пуш-нины.³⁵ Через Сибирь удавалось протащить только 10–30 % поставок.³⁶

Продать нельзя держать

Итак, на одной чаше весов – огромные владения, Россия в Тихом океане и в Арктике, на двух континентах. На другой – издержки. У высоких инстанций масса доводов, чтобы избавиться от Аляски. Первый – все равно потеряем, столкнемся с США. Лучше продать, чем воевать, удержать не сможем. Второй – особой пользы нет и не будет. Нам есть, что делать

---

³³ История Русской Америки 1732–1867. Т. 2. М.: Межд. отношения, 1999. С. 149.

³⁴ История Русской Америки 1732–1867. Т. 3. М.: Межд. отношения, 1999. С. 304.

³⁵ Там же. С. 306–310.

³⁶ Там же. С. 311.

в центре России, огромные пустые пространства за Уралом. Вел. Князь Константин, брат Александра II: Россия «должна всячески укрепляться в центре своем».³⁷

---

³⁷ Там же. С. 386.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.